

18+

Составитель

Андрей Тихомиров

Советско-германский договор о ненападении 1939 г.: секретные протоколы

Сборник материалов

Андрей Тихомиров
Советско-германский договор
о ненападении 1939 г.:
секретные протоколы.
Сборник материалов

*<https://litres.ru/43650895>
ISBN 9785005027481*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определённый выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии». Сталин. Подлинники так называемого секретного дополнительного протокола, которым размежевывались «сферы интересов», не обнаружены ни в российских, ни в зарубежных архивах.

Содержание

СССР — действительный фактор мира	6
Переговоры с Россией — маскировка	22
Несостоявшаяся битва	31
Заключенне советско-германского договора о ненападении	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Советско-германский
договор о ненападении 1939
г.: секретные протоколы
Сборник материалов**

Составитель Андрей Тихомиров

ISBN 978-5-0050-2748-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Материалы:

*Подписание советско-германского договора о
ненападении 23 августа 1939 г.*

СССР — действительный фактор мира

«Глава 26 СССР — действительный фактор мира (1939 г.) ... Под влиянием всё возраставшей оппозиции англо-французские уполномоченные в Москве получили 27 мая 1939 г. инструкцию форсировать переговоры. К этому вынуждала и всё более обострявшаяся международная обстановка. Она уже не оставляла сомнений в окончательной непримиримости фашистских поджигателей войны. В противовес усилиям англо-французской дипломатии укрепить свои позиции в Европе и противопоставить Германии и Италии руководимый Францией и Англией блок малых стран немцы и итальянцы, как указывалось выше, подписали в Берлине 22 мая 1939 г. договор о военно-политическом союзе. Этот акт знаменовал боевую расстановку сил, готовившихся к схватке на европейском континенте. Лицом к лицу становились два противных лагеря: англо-французский блок, включавший гарантированные страны, и германо-итальянский союз, усиленно подготовлявший себе плацдарм для наступательных действий... Дипломатия Гитлера стремилась во что бы то ни стало помешать заключению англо-франко-советского пакта. Это стремление вызывалось боязнью войны на два фронта. Среди германских военных

кругов издавна господствовало убеждение, что такой войны Германия выдержать не может. «Гитлер спрашивал генерала Кейтеля, начальника генерального штаба, и генерала фон Браухича, главнокомандующего, — доносил 1 июня французский посол Кулондр своему министру иностранных дел Бонно, — может ли окончиться война благоприятно для Германии. Оба ответили, что решающее значение имеет вопрос, останется ли Россия нейтральной или нет. Если Германии придётся сражаться одновременно и против России, у неё мало будет шансов на выигрыш войны. Оба генерала придавали большое значение позиции Турции. Они считали, что Турция может выступить на стороне западных держав, если к ним присоединится Россия... В конце концов решение Гитлера зависело от подписания англо-советского пакта. Полагают, что он рискнёт на войну, если не будет фронта со стороны России. Но если Гитлер будет знать, что ему придётся воевать также и против России, то он скорее «отступит» перед Польшей, чем обречёт свою страну, партию и самого себя на поражение и гибель. Если же англо-русские переговоры затянутся, то не исключён в течение ближайших же недель молниеносный захват Данцига».

Из переписки между французским министром иностранных дел Жоржем Боннэ и Риббентропом, относящейся к лету 1939 г. и опубликованной в 1940 г. во французской «Жёлтой книге», явствует, что гитлеровская дипломатия всячески старалась удержать Францию от заключения военного союза

с Советской Россией. 1 июля 1939 г. Боннэ обратился к Гитлеру с нотой, переданной через германского посла в Париже Вельчека. Нота предупреждала, что насильственное изменение status quo в Данциге вызовет вооружённое сопротивление Польши, а это повлечёт за собой применение франко-польского соглашения о взаимной помощи.

Риббентроп ответил на французскую ноту письмом, в котором напоминал о германо-французской декларации от 6 декабря 1938 г. Эта декларация предусматривала «необходимость взаимного уважения жизненных интересов обеих стран». Ссылаясь на свои переговоры с Боннэ в Париже в день опубликования франко-германской декларации, Риббентроп писал: «Я настойчиво указывал на Восточную Европу как на сферу немецких интересов; вы же, в полном противоречии с вашими нынешними утверждениями, подчёркивали тогда со своей стороны, что позиция Франции в отношении восточноевропейских вопросов со времени Мюнхенской конференции существенно изменилась». Риббентроп нагло упрекал Боннэ в прямой «измене». Он заявлял, что Германия решительно отклоняет «вмешательство Франции в сферу немецких жизненных интересов». На этом основании германское правительство не находит возможным обсуждать с французским правительством вопросы немецко-польских отношений. Если же Франция будет поддерживать Польшу в данцигском вопросе, то фюрер преисполнен решимости «защищать немецкие интересы всеми

средствами, находящимися в его распоряжении».

Риббентропу ничего не оставалось, как только попытаться припугнуть Францию, чтобы вынудить её к отступлению. Развязный дипломат Гитлера оказывался в критическом положении. Ещё недавно он настойчиво твердил своему фюреру, что ни Франция, ни Англия не вступятся за Польшу. Теперь Гитлер убеждался, что самоуверенный министр ввёл его в заблуждение. Это грозило Риббентропу серьёзными неприятностями. Об этом сообщил в Париж Кулондр в своём донесении от 11 июня 1939 г. Впрочем, уже через два дня тот же Кулондр уведомлял, что военные приготовления Германии идут ускоренным ходом и что к августу 1939 г. она может начать войну.

В полном соответствии с донесениями Кулондра в Париж и британский посол в Берлине Гендерсон сигнализировал в Лондон об усиленных приготовлениях Германии к войне и о боязни Гитлера и его высшего командования вести одновременную вооружённую борьбу не только с Англией и Францией, но и с Советским Союзом. Английский посол настаивал, чтобы его правительство сделало практические выводы из его донесений. Необходимость активизировать дипломатические переговоры с Москвой представлялась в этих условиях совершенно очевидной. В конце мая 1939 г. английская и французская дипломатия выступила с новыми предложениями Советскому Союзу: в них, в случае прямой агрессии, направленной против той или другой договаривающейся сто-

роны, предусматривались обязательства взаимной помощи между Англией, Францией и СССР. Но эти новые предложения о взаимной помощи сопровождались такими оговорками, которые фактически их обесценивали. Новые предложения предусматривали помощь СССР в отношении пяти стран, которым Англия и Франция уже дали гарантии. Однако они не говорили ничего о помощи со стороны Англии и Франции трём граничащим с СССР балтийским государствам — Латвии, Эстонии, Финляндии. Естественно, возникало опасение, что агрессоры могут беспрепятственно воспользоваться этими малыми странами для нападения на СССР. Поэтому советское правительство в ответ на англо-французские предложения потребовало, во-первых, заключения эффективного пакта о взаимной помощи между Англией, Францией и СССР, во-вторых, оказания помощи как пяти государствам, которым были даны англо-французские гарантии (Польше, Румынии, Турции, Греции, Бельгии), так и трём балтийским государствам (Латвии, Эстонии, Финляндии) против прямой и косвенной агрессии.

Неоспоримую справедливость этих требований признавала и английская парламентская оппозиция. 8 июля 1939 г. в газете «Daily Telegraph and Morning Post» появилась большая статья Черчилля, в которой он требовал немедленного создания тройственного пакта с участием СССР против гитлеровской Германии.».

«В своём докладе о внешней политике Советского Союза

на третьей сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. т. Молотов следующим образом изложил ход и состояние переговоров советского правительства с Англией и Францией.

«...Если в самом деле, — говорил т. Молотов, — хотят создать дееспособный фронт миролюбивых стран против наступления агрессии, то для этого необходимы, как минимум, такие условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств центральной и восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров.

Таково наше мнение, которое мы никому не навязываем, но за которое мы стоим. Мы не требуем принятия нашей точки зрения и никого не просим об этом. Мы считаем, однако, что эта точка зрения действительно отвечает интересам безопасности миролюбивых государств».

«Позиция СССР при переговорах с Англией и Францией, изложенная главой советского правительства, была безупречно пряма, открыта и последовательна. Несмотря на это, англо-французская дипломатия продолжала упорно затяги-

вать переговоры. Такая медлительность, естественно, вызывала тем больше подозрений, что в переговорах с другими странами дипломатия союзников, когда нужно, умела проявлять несомненно большую оперативность. В частности в кратчайший срок ею достигнуто было соглашение с Турцией.

12 мая 1939 г. опубликована была англо-турецкая декларация о взаимной помощи в случае агрессии в районе Средиземного моря. Декларация гласила, что «в ожидании заключения окончательного соглашения английское и турецкое правительства заявляют, что в случае акта агрессии, могущего привести к войне в районе Средиземного моря, они будут готовы» к тому, чтобы эффективно сотрудничать и предоставить взаимно друг другу всестороннюю помощь». К декларации присоединилась и Франция.

Образ действия англо-французской дипломатии в переговорах с СССР не мог не вызвать соответствующей реакции со стороны общественного мнения Советского Союза. 29 июня 1939 г. в «Правде» помещена была статья т. Жданова, озаглавленная «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Статья эта произвела сенсацию в дипломатических кругах и вызвала широкий отклик во всём мире. Автор ставил вопрос: в чём причина затяжки переговоров, завершения которых с нетерпением ожидают все друзья мира? Объяснение автор усматривал в том, что «английское и французское правительства не

хотят равного договора с СССР, т. е. такого договора, на который только и может пойти уважающее себя государство, и что именно это обстоятельство является причиной застойного состояния, в которое попали переговоры». В доказательство статья приводила следующие факты:

1. Англо-советские переговоры продолжаются уже 75 дней, из них 59 дней ушли на проволочки со стороны англичан и французов.

2. Та же самая Англия, когда ей нужно было, заключила пакты взаимной помощи с Турцией и Польшей в кратчайший срок.

3. В ходе переговоров англичане и французы искусственно нагромождают всяческие трудности, чем создают видимость серьёзных разногласий между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой; ссылки англо-французской дипломатии на то, что прибалтийские государства якобы не желают гарантий, явно несостоятельны: они продиктованы только намерением затруднить и сорвать переговоры. Неизвестно, спрашивали ли Литву и Голландию, хотят ли они для себя гарантий со стороны Англии и Польши; сами они этих гарантий не просили; однако это не помешало Англии и Польше заключить договоры о двусторонней взаимопомощи.

4. Англия и Франция требуют от СССР гарантий не только для Польши, Румынии и ещё четырёх других государств, но также для Голландии и Швейцарии, с которыми СССР даже

не имеет дипломатических отношений.

«Всё это говорит о том, — заключал автор статьи, — что англичане и французы хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они тоже за «равенство», а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли ба-трака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств. Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдёт, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками. Тем более не может пойти на такой договор СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру» («Правда» от 29 июня 1939 г.). Дальнейшие события доказали полную обоснованность выводов статьи т. Жданова. Московские переговоры с англичанами и французами затягивались бесконечно. Лишь 25 июля английский и французский правительства приняли предложение правительства СССР о посылке в Москву военных миссий. Однако миссии не торопились выехать по назначению. Они отбыли лишь спустя 11 дней. Притом они не пожелали воспользоваться воздушным сообщением; члены их отплыли на товаро-пассажирском пароходе, скорость которого не превышала 13 узлов в час.»

«Советское правительство имело веские основания усомниться в серьёзности намерения англичан и французов договориться с СССР о взаимной помощи против агрессора, В то время, когда томительно тянулись англо-франко-совет-

ские переговоры о заключении договора о взаимопомощи, не прекращались оживлённые дипломатические сношения англичан и с гитлеровской Германией. В своей книге «Провал одной миссии» английский посол в Берлине Гендерсон подтверждает, что он развивал в эти дни усиленную дипломатическую активность.

Сам министр иностранных дел Англии Галифакс открыто выступал с примирительными речами, обращёнными к Германии. 30 июня 1939 г. в речи на банкете в Королевском институте международных отношений Галифакс выражал готовность договориться с Германией по всем проблемам, «внушающим миру тревогу». «В такой атмосфере, — говорил министр, — мы могли бы обсудить колониальную проблему, вопрос о сырье, о барьерах в торговле, о „жизненном пространстве“ и все другие вопросы, затрагивающие европейцев».

23 июля 1939 г. в английскую прессу проникли сведения о переговорах, якобы ведущихся между германским уполномоченным Вольтатом и представителем английского правительства Хадсоном. Этого мало. Небезызвестный английский журналист Бартлет выступил в газете «News Chronicle» с сообщением, будто бы правительства Франции и Англии собираются не позже сентября обратиться к немцам с некоторыми серьёзными предложениями, в частности о гарантированном займе в сумме 100 миллионов фунтов стерлингов и совместной эксплуатации африканских колоний. Создава-

лось впечатление, что дипломатия Чемберлена — Даладье ведёт двойную игру. Это, естественно, вынуждало советское правительство принять свои меры предосторожности.

31 мая 1939 г., выступая на третьей сессии Верховного Совета СССР, т. Молотов напомнил слова товарища Сталина о необходимости бдительности и осторожности, дабы не дать «втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». (Третья сессия Верховного Совета СССР, стр. 469.).

Советско-германское торговое соглашение (19 августа 1939 г.)

Отметив, что советское правительство отнюдь не считает необходимым отказаться от

деловых связей с такими странами, как Германия и Италия, т. Молотов сообщил, что

ещё в начале прошлого, 1938, года германское правительство предложило советскому правительству вступить в переговоры о торговом соглашении. Немцы имели в виду предложить Советскому Союзу новый кредит в 200 миллионов марок. Однако стороны не договорились о конкретных условиях соглашения. Переговоры были прерваны. В конце 1938 г. германское правительство вернулось к своим предложениям. Возобновились переговоры в Москве. Со стороны немцев они были поручены германскому послу Шуленбургу. И на этот раз их пришлось прервать ввиду разногласий.

22 июля 1939 г. советско-германские переговоры возоб-

новились. 19 августа они завершились заключением торгово-кредитного соглашения: Советскому Союзу предоставлялся долгосрочный кредит на выгодных условиях в сумме 200 миллионов марок. Ясно было, что немецко-фашистская дипломатия заинтересована была не только в использовании советского рынка для сбыта продуктов германской промышленности и для получения в СССР необходимого сырья. Немцы были одержимы страхом перед войной на два фронта. Поэтому они и заискивали перед правительством СССР в надежде помешать его соглашению о взаимной помощи с Англией и Францией.

Германская дипломатия не ограничилась укреплением экономических связей с СССР. Летом того же 1939 г. немцы предложили советскому правительству заключить договор о ненападении.

Правительство СССР приняло немецкое предложение.

Уже во время войны, в речи по радио 3 июля 1941 г., товарищ Сталин объяснил причины, побудившие советское правительство пойти на заключение пакта с фашистской Германией.

«Могут спросить, — говорил товарищ Сталин: — как могло случиться, что Советское Правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского Правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между дву-

мя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское Правительство отказать от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определённый выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии» (Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 4-е, 1944, стр. 9).

Советско-германский договор о ненападении (23 августа 1939 г.)

23 августа 1939 г. был заключён советско-германский договор о ненападении. С немецкой стороны он был подписан Риббентропом, прибывшим для этой цели в Москву. Основное содержание договора сводилось к следующему:

1. Обе договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия

и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

3. Правительства обеих договаривающихся сторон останутся в будущем во взаимном контакте для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

4. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать ни в какой группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

5. В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися сторонами по вопросам того или другого рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путём, в порядке дружественного обмена мнениями или, в нужных случаях, путём создания комиссии по урегулированию конфликтов.

Советско-германский договор о ненападении заключался на срок в десять лет. 11 февраля 1940 г. он был дополнен советско-германским торговым договором.

Заключение советско-германского договора от 23 августа опрокидывало замыслы тех реакционных дипломатов Англии и Франции, которые рассчитывали, изолировав Советский Союз и не обеспечив его обязательствами о взаимной

помощи, направить против него германскую агрессию. Это явилось крупнейшим дипломатическим достижением правительства СССР. С другой стороны, подписывая договор о ненападении с Советским Союзом, Германия Гитлера тем самым демонстрировала перед всем светом своё признание мощи СССР и боязнь перед возможным участием советской державы в борьбе против Германии на стороне англо-французского блока. Само собой разумеется, что договор с Германией отнюдь не был свидетельством излишнего доверия советского правительства к фашистской Германии. Ни в малейшей степени не ослаблял он бдительности советского правительства и его неустанной заботы об укреплении обороноспособности СССР. «Этот договор, — говорил т. Молотов, — подкреплён твёрдой уверенностью в наших реальных силах, в их полной готовности на случай любой агрессии против СССР» (Молотов, О ратификации советско-германского договора о ненападении, Военгиз, 3939, стр. 15).

Заключение договора о ненападении между СССР и Германией вызвало новую бурную кампанию против Советского Союза.

Реакционная печать в Англии и Франции завопила о противоестественном союзе коммунизма и фашизма. Агентство Рейтер по радио сообщило, будто бы советское правительство само официально объяснило разрыв переговоров с Англией и Францией тем, что заключило договор с Германией.

В своём интервью, напечатанном 27 августа в «Извести-

ях», т. Ворошилов решительно опроверг все эти измышления.

«Не потому, — заявил он, — прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а, наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате между прочим того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий».

История дипломатии, под ред. академика В. П. Потемкина, ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, Москва-Ленинград, т. III, 1945, с. 671, 679—681, 683, 684—685, 687—691

Переговоры с Россией — маскировка

«МЮНХЕНСКИЙ КУРС

Когда Англия предложила Гитлеру новый раздел мира

В послевоенное время правящие круги западноевропейских стран прилагают все силы к тому, чтобы подорвать политический и моральный авторитет Советского Союза среди европейских народов. С этой целью они ведут ожесточенную клеветническую кампанию против СССР и, в частности, извращают значение и смысл германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. Некоторые западные внешнеполитические обозреватели и «историки» заходят так далеко, что утверждают, будто бы Советский Союз путем заключения этого пакта помешал совместному выступлению европейских держав против фашистской агрессии и открыл путь для завоевательных походов Гитлера в Европе.

Вторая, столь же несостоятельная, западная версия сводится к тому, что Советский Союз и Германия, заключая этот пакт, преследовали якобы цель «раздела» Польши, в то время как западные державы будто бы стремились превратить Польшу в «оплот» сопротивления нацистской агрессии.

Вопрос о причинах второй мировой войны и подоплеке германо-советского пакта о ненападении 1939 г. является

проблемой величайшей исторической и политической важности. Что же в действительности привело к заключению этого пакта летом 1939 г., накануне второй мировой войны?

В первую очередь следует указать на так называемую мюнхенскую политику. На Западе с исключительным усердием стараются вытравить из памяти эту катастрофическую главу истории Европы и вместо нее выдвигают на первый план германо-советский пакт. Но этот дешевый трюк не может обмануть тех, кто сколько-нибудь разбирается в современной истории. В действительности именно мюнхенская политика сделала необходимым заключение германо-советского пакта от 23 августа 1939 г. Мюнхенский сговор вызвал его к жизни. Только на этой основе можно понять преступную политическую игру западных держав, вовлекшую Европу в катастрофу. Все вымыслы, при помощи которых стараются фальсифицировать историческую правду, направлены на то, чтобы открыть широкую дорогу к новой войне.

Каково же историческое значение мюнхенской политики? Что означал Мюнхен на пути к новой мировой войне? Продажные историки и внешнеполитические обозреватели Запада с удивительным единодушием до сих пор отмалчиваются по этому поводу. Когда же их припирают к стене, они дают такой стереотипный ответ; «Мюнхенская политика? Да, это было отступление великих западных держав перед лицом агрессии; это была дорого стоившая политика иллюзий, в основе которой лежало стремление к сохранению мира,

несмотря на то, что фактически она открыла дорогу агрессии».

Такое объяснение мюнхенской политики в корне порочно, оно предназначено для обеления агрессивных империалистических сил, приведших мир ко второй мировой войне. Это — сознательная фальсификация истории, рассчитанная на то, чтобы замаскировать сегодняшних агрессоров!».

«Западные историки беззастенчиво извращают исторические факты рассчитывая таким образом обелить предательскую политику империалистических держав.

Чрезвычайно редко случается, чтобы тщательно разработанная линия политики великой державы полностью изменилась в какой-то определенный день. Зачастую она не изменяется даже в результате войны. Большинство ее элементов остается и приспосаблиется к изменившимся внешним условиям. Чрезвычайно важные элементы мюнхенской политики Чемберлена и К° продолжали действовать в течение долгого периода после оккупации Праги нацистами в марте 1939 г., и даже после начала второй мировой войны. Отдельные ее элементы продолжали действовать и в послевоенное время, вызывая опасные конфликты между странами.

Верно, что Великобритания после предоставления гарантий Польше, Турции и ряду других государств вступила в дипломатические переговоры с Советским Союзом и что представитель Форин-офиса Стрэнг 14 июня 1939 г. прибыл в Москву, а за ним прибыла и британская военная делегация.

Однако верно и то, что переговоры затянулись и в течение многих недель невозможно было сдвинуться с места. Чтобы выяснить причину этого, необходимо проанализировать не только ход московских переговоров. Истинные причины их срыва могут быть уяснены единственно в свете закулисной политики Англии в этот период. Эти причины следует искать в Лондоне.

В первые недели после начала второй мировой войны вернувшийся из Лондона германский посол фон Дирксен спокойно сидел в своем поместье в Гредицберге и писал подробный отчет о германо-британских отношениях в период с мая 1938 г. и до объявления войны Англии, Дирксен следующим образом характеризовал политику правительства Чемберлена в летние месяцы 1939 г.:

«Англия признавала превосходство Германии и невозможность для себя играть роль равноправного партнера при переговорах. Она хотела посредством вооружений и образования коалиции принудить Германию заявлять свои дальнейшие требования путем переговоров. При этом можно было убедиться в растущем понимании этих требований. Даже понятие „жизненное пространство“ проложило себе дорогу в английское словоупотребление».

Характерно, что первые попытки со стороны правительства Чемберлена возобновить контакт с нацистской Германией после вторжения в Прагу почти совпали по времени с поездкой м-ра Стрэнга в Москву. Форин-офис одновре-

менно вел переговоры в двух направлениях. Из документов фон Дирксена видно, что первые попытки установления германо-британского взаимопонимания были предприняты в июне 1939 г. через посредство германского чиновника особых поручений Вольтата. Через месяц переговоры шли уже полным ходом.

Вольтат — один из экспертов Геринга по выработке нацистского экономического «четырёхлетнего плана» — находился в середине июля в Лондоне в качестве участника международной конференции по вопросам китобойного промысла. В один прекрасный день его посетил норвежский представитель, пригласивший его на секретную беседу к британскому министру торговли Хадсону. Это важное совещание состоялось 20 июля 1939 г. Что предлагал британский министр нацистам четыре месяца спустя после оккупации Праги? В докладе посла фон Дирксена, отправленном на другой день в Берлин, предложения Хадсона излагались следующим образом:

«Во время этой беседы Хадсон развивал далеко идущие планы англо-германского сотрудничества в целях открытия новых и эксплуатации существующих мировых рынков. Он высказал, между прочим, мнение, что в мире еще существуют три большие области, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил, а именно: английская империя, Китай и Россия. Англия собственными силами не может в достаточной мере обслужить

свою империю, и было бы возможно в этой сфере более широкое привлечение Германии. Точно так же Япония не может удовлетворить весь Китай в экономическом отношении; в России — положение вещей аналогично.

Хадсон высказался затем подробнее о разграничении сфер английских и германских интересов и возможности устранения убийственной конкуренции на общих рынках...»

Таким образом, в то время как Стрэнг затягивал переговоры в Москве, ссылаясь на отсутствие полномочий, другие представители британского правительства пытались установить контакт с нацистами. Министр Хадсон в это время откровенно беседовал с представителем гитлеровской Германии о переделе мира между ними и о том, каким образом германские и английские монополисты могут совместно использовать русский рынок. Ясно, что для достижения этой цели нужны были совместные принудительные мероприятия против Советского Союза. Вырванную из капиталистической системы Россию рассчитывали заполучить обратно посредством совместных германо-британских действий!

В этой связи следует добавить, что Хадсон далеко не являлся кометой в большой британской политике. Он подвизался в роли постоянной звезды и принадлежал без перерыва с 1931 до 1945 г. к влиятельным правительственным кругам. Во время войны он был министром сельского хозяйства в правительстве Черчилля. Таких откровенных мюнхенцев Уинстон Черчилль привлекал в правительство после паде-

ния кабинета Чемберлена во время войны!

Однако беседа с английским министром торговли была не единственным волнующим событием, пережитым нацистским чиновником Вольтатом в Лондоне в богатый событиями день 20 июля 1939 г., когда карты британской внешней политики были внезапно раскрыты.

В тот же день Вольтат имел два совещания с личным экономическим советником Невилля Чемберлена сэром Горацием Вильсоном, принимавшим участие в предшествовавших Мюнхену переговорах с Гитлером. Об этой значительной фигуре в британской политике советник-германского посольства Кордт писал в докладе от 25 августа 1938 г.:

«Гораций Вильсон считается одним из наиболее влиятельных лиц в английском правительстве. Он не любит выступать публично. Установлено, что Невиль Чемберлен советуется с ним по всем вопросам. Вильсон — противник всяких открытых выступлений и пользуется уважением всех, кому с ним приходится соприкасаться. Он — воплощение идеала Мольтке: больно бить и меньше говорить...»

20 июля, едва Вольтат вошел в кабинет этой «тени Чемберлена», ему был показан детально разработанный проект нового расширенного мюнхенского соглашения между Германией и Британской империей. Это был проект раздела мира на германо-английские «жизненные пространства».

Можно ли допустить, чтобы два министра Чемберлена выступили 20 июля от собственного имени, не имея на то пол-

номочий своего правительства? Их влиятельное положение в кабинете вряд ли позволяет это предположить. В докладе фон Дирксена по этому поводу говорится:

«На вопрос г-на Вольтата, одобрены ли предложения Хадсона, Вильсон ответил, что они обсуждались влиятельными членами кабинета, но окончательное решение на этой стадии еще не последовало».

Из доклада явствует, что дело зашло настолько далеко, что Гораций Вильсон предложил своему немецкому собеседнику препроводить его к самому Невиллю Чемберлену, чтобы тот мог лично подтвердить предложение Вильсона германскому правительству.

Полезно будет ознакомиться с деталями предложения правительства Чемберлена, сделанного «Третьему рейху» в период данцигского кризиса и московских переговоров и направленного на сближение с Германией, на разграничение английских и германских «сфер влияния».

«Когда Вольтат в июле 1939 г. вернулся в Берлин с сенсационным предложением сэра Горация Вильсона о заключении нового германо-британского договора, он вручил

подробный отчет своему шефу фельдмаршалу Герингу. Однако германскому послу в Лондоне фон Дирксену не было дано никаких полномочий продолжать переговоры. В Лондоне напряженно ждали ответа Гитлера, но тщетно.

Только 31 июля фон Дирксен получил из столицы Германии две телеграммы по этому вопросу: министр иностран-

ных дел фон Риббентроп требовал подробного отчета о переговорах Вольтата, а статс-секретарь министерства Вейцзекер задавал дополнительные вопросы в связи с предложением Горация Вильсона:

«Вольтат, очевидно, не задал Вильсону напрашивавшегося вопроса, предполагают ли эти предложения одновременный отказ от связанных с политикой окружения переговоров, в особенности с Москвой».

В этом заключался один из существенных моментов: каким образом британское правительство могло сделать такое далеко идущее предложение о новом европейском Мюнхене и одновременно продолжать переговоры об антинацистском союзе в Москве, в особенности, когда основной пункт английского предложения заключался в том, чтобы предоставить Германии свободу действий во всей Восточной Европе? Кроме того, в Россию была послана франко-британская военная миссия для выработки общих планов операций в случае новой войны».

Мольтке Кай, За кулисами Второй мировой войны, издательство иностранной литературы, М., 1952, с. 37—38, 40—43, 50—51

Несостоявшаяся битва

«По мере того как для Гитлера приближался час принятия окончательного решения, поступали все новые подтверждения правильности его расчетов, но наиболее убедительное подтверждение поступило от немецкого посольства в Лондоне, от самого посла, с которым и сама история, и его подчиненные в то время обращались как с фигурой, достойной пренебрежения. Однако посол Дирксен в политику не играл; он не стремился завоевать авторитета Гитлера. Это был человек без достаточного воображения, но компетентный профессиональный дипломат, который докладывал о событиях и фактах так, как он их понимал. Его донесения дали Гитлеру те дополнительные подтверждения, в которых он нуждался; они дополнили информацию Селиго из Лондона.

10 июля 1939 года Дирксен послал в Берлин политическое донесение о «сгущении политической атмосферы в Англии». С началом войны немцы опубликовали это донесение как часть своей «Белой книги», в которой пытались показать англичан, французов и поляков как виновников развязанной войны. Однако то место в донесении Дирксена, которое в свое время должно было стать самым важным для Гитлера, в «Белой книге» было опущено. Дирксен писал, что основное различие в настроениях англичан в сентябре 1938 года, во время Мюнхена, и «теперь», в середине лета 1939 года,

состояло в том, что в первом случае «широкие массы народа были пассивны и не склонны к борьбе», теперь же они перехватили инициативу и настаивают, чтобы правительство заняло твердую позицию и боролось. Как бы неприятна ни была? реальная действительность, писал Дирксен, Германии нужно считаться с ней, особенно в такой стране, как Англия.

Затем следует вывод, который не был опубликован немцами. Было бы, однако, ошибкой, продолжал Дирксен, сделать вывод о неизбежности войны, исходя из такой характеристики общественного мнения. Волна возбуждения так же спадет, как и поднялась, едва только более спокойная атмосфера в Англии «даст возможность более беспристрастной оценки германской точки зрения». «Зачатки» такого изменения уже были в наличии, писал Дирксен. «Внутри кабинета узкого, но влиятельного круга политических деятелей проявляется стремление перейти от негативной политики окружения к более конструктивной политике в отношении Германии... Личность Чемберлена служит определенной гарантией того, что политика Англии не будет передана в руки бессовестных авантюристов».

Спустя две недели Дирксен сообщает в записке еще более ободряющую весть о беседах доктора Гельмута Вольтата, чиновника для особых поручений в ведомстве Геринга по осуществлению «четырёхлетнего плана», с министром внешней торговли Робертом Хадсоном и главным экономическим советником английского правительства Горацием Вильсоном,

который был ближайшим советником Чемберлена по германским вопросам. Дирксен подчеркивал нежелание англичан оказаться вовлеченными в польский конфликт. Вильсон предложил, сообщает Дирксен, чтобы целью их переговоров была широкая англо-германская договоренность по всем важным вопросам, «как это первоначально предусматривал фюрер». Тем самым отошли бы на задний план и потеряли свое значение такие вопросы, как Данциг и Польша. «Сэр Гораций Вильсон определенно сказал господину Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши. Таким образом, польская проблема утратила бы значительную долю своей остроты».

Однако действительно хорошие для Гитлера новости были впереди. Сэр Гораций сообщил Вольтату, что правительство Чемберлена предполагает провести новые выборы этой осенью. Чемберлен чувствовал себя настолько уверенным в своем успехе на выборах, что ему безразлично, под каким лозунгом пройдут выборы: «Готовность к надвигающейся войне» или «Длительный мир и прочное соглашение с Германией». Само собой разумеется, говорил сэр Гораций господину Вольтату, Чемберлен предпочитает мирный лозунг.

В личном докладе Герингу Вольтат более подробно остановился на взглядах, изложенных Вильсоном, который, по мнению немецкого посла, был единственным человеком, с кем Вольтат вел переговоры и чьи взгляды действительно

имели значение при оценке позиции Англии. Вольтат докладывал, что Вильсон пришел на переговоры с целью восстановления дружественных отношений с Германией, представив детальную «Программу германо-английского сотрудничества».

Вильсон подчеркивал, что их переговоры «должны быть сохранены в тайне». На начальной стадии в переговорах примут участие только Англия и Германия; Франция и Италия должны подключиться к переговорам позднее. Переговоры должны вестись «наиболее высокопоставленными представителями», докладывал Вольтат, очевидно подчеркивая тем самым, что эти переговоры расценивались совершенно иначе, чем переговоры в Москве, где они велись без участия «высокопоставленных представителей».

Спросив, не слишком ли он оптимистичен, Вильсон перешел к оценке личности Гитлера, сообщал Вольтат. Вильсон сказал, что он имел возможность познакомиться с деятельностью Гитлера и думает, «что фюрер как государственный деятель в борьбе за мир мог бы добиться еще больших успехов, чем те, которых он уже добился в строительстве великой Германии». Он верил, что Гитлер хочет предотвратить мировую войну из-за Данцига. Поэтому, «если политика великой Германии в отношении территориальных притязаний приближается к завершению своих требований» (подчеркнуто мною. — Д. К.), фюрер мог бы теперь перейти вместе с правительством Англии к поискам путей для договоренно-

сти. Тогда Гитлер вошел бы в мировую историю как один из величайших государственных деятелей и в то же время произвел бы коренное изменение мирового общественного мнения в отношении Германии. Вильсон добавил, что Чемберлен готов выступить с аналогичным целенаправленным заявлением. Было, однако, важно, чтобы подобные англо-германские переговоры «не дошли до сведения лиц, которые принципиально враждебны к идее установления взаимопонимания». Если бы англичане и немцы провели такие переговоры с достаточным умением и осторожностью, они могли бы осуществить «одну из величайших политических комбинаций, какую только можно себе представить».

Вильсон, разумеется, подчеркнул, что альтернативой соглашения будет война. Однако война была упомянута в весьма общих чертах. На протяжении всех переговоров с Вольтатом и Дирксеном ни разу не говорилось о прямой помощи Польше со стороны Англии.

Тем не менее на фоне всего прочего, о чем говорил Вильсон, в том числе и о возможных выборах осенью, ничто не говорило о подготовке Англии к войне, и Дирксен еще раз вернулся к этому вопросу в донесении от 1 августа. Последовали и другие донесения о беседах с английскими политическими деятелями в пользу урегулирования проблем с Германией, и Дирксен сделал заключение, что впечатление о необходимости достигнуть соглашения с Германией в пределах нескольких недель, «с тем чтобы можно было опреде-

лить предвыборную политику» в Англии, «все более усиливалось». Возлагались надежды на летние каникулы в парламенте, когда создастся более спокойная обстановка, необходимая «для выработки в общих чертах программы переговоров с Германией, которая имела бы шансы на успех».

Через два дня, 3 августа, Дирксен вновь встретился с Горацием Вильсоном. На этот раз их беседа приобрела особую важность, поскольку она протекала с большей, чем обычно, откровенностью. Вильсон более подробно остановился на ранее высказанной мысли, что англогерманское соглашение освободило бы Англию от ее обязательств в отношении Польши, Турции и других стран. Как объяснил Вильсон, это обуславливалось бы включением в соглашение отказа от агрессии против третьей стороны. Поскольку такое заявление устраняло бы угрозу агрессии, не было бы и необходимости в предоставлении гарантий третьим странам. Затем Вильсон подробно остановился на вопросах организации переговоров и обеспечения их секретности, что было бы необходимым для обеспечения успеха таких переговоров. После этого он перешел к наиболее важному аспекту беседы с Дирксеном. Он заявил Дирксену, что, «по имеющимся у английского правительства сведениям (заметьте дату этой беседы — 3 августа), Германия в ближайшее время собирается призвать под ружье 2 млн. солдат, а также, угрожая Польше, проводить на ее границах маневры с участием огромного количества самолетов». Дирксен ответил,

что крупные маневры, запланированные немцами, «никоим образом не сравнимы с военными мероприятиями, осуществляемыми другими державами». Поляки мобилизовали 1 млн. человек, которые развернуты у немецкой границы (сэр Гораций спросил, неужели столь большое количество поляков было мобилизовано, но ничего не возразил против цифры 900000); вооруженные силы Англии — сухопутные, морские и воздушные — были «более или менее отмобилизованы»; Франция также осуществила обширные мобилизационные меры, утверждал Дирксен. Поэтому немцы не могут «изменить свои планы или отменить маневры». Вильсон заверил Дирксена, что имел в виду не это. Все, что он просил, заключалось в том, чтобы маневры проводились в обычном для условий мирного времени порядке. Вильсон выделил три вопроса, по которым английское правительство хотело бы получить разъяснение относительно политики Германии: какие указания даст Гитлер для развития более тесных экономических связей; будет ли Гитлер в состоянии гарантировать, что международная обстановка не ухудшится в ближайшие недели; как Гитлер даст знать о «своем решении» взять на себя инициативу в создании атмосферы, в которой программа переговоров может быть рассмотрена с перспективой на успех».

В связи с этим не следует удивляться, что предупреждения, высказанные генералом Айронсайдом в Варшаве, где он заявил немцам, что Англия поможет Польше, были вос-

приняты нацистскими заправилками довольно скептически, ибо это был не первый случай, когда немцы убеждались в двойственности англо-французской политики. Несколько-ми неделями ранее произошел любопытный эпизод, когда Риббентроп назвал блефом заявление Боннэ. И тон, который немцы приняли по отношению к французам, был совершенно иным, чем тон слащавого благоразумия, который был характерен для переговоров Вольтата в Лондоне (В июне — августе 1939 г. представители Англии в строгой тайне вели переговоры с Германией через приехавшего в Лондон уполномоченного Гитлера Вольтата. В переговорах с английской стороны участвовали некоторые министры, а с германской — их продолжал немецкий посол Дирксен. Обсуждалось заключение широкого соглашения, которое предусматривало разделение между Англией и Германией «сфер влияния» в мировом масштабе, отказ Англии от гарантий, выданных Польше, и «канализация» германской агрессии на Восток, против Польши и СССР. — Прим. ред.).

Обмен мнениями с французами начался с ноты французского правительства, которая была вручена немецкому послу в Париже 1 июля министром иностранных дел Франции Боннэ. В этой ноте министра иностранных дел Франции делалась ссылка на переговоры, которые Боннэ вел с Риббентропом во время его визита в Париж в декабре 1938 года, и в решительной форме говорилось, что Боннэ считал своим долгом «совершенно определенно заявить, что любая акция, в

какой бы форме она ни проявилась, которая будет иметь тенденцию изменить статус-кво Данцига и тем самым вызвать вооруженное сопротивление со стороны Польши, приведет в действие французско-польское соглашение и обяжет Францию оказать Польше немедленную помощь».

Ничто не могло быть более ясным, более твердым, более обманчивым и лживым с точки зрения истинных намерений Франции. Это стало очевидным уже из того, как Боннэ отверг даже совершенно ограниченные операции, предложенные генералом Гамеленом во время визита польского военного министра в Париж в мае. Что же тогда заставило Боннэ неожиданно предпринять такой вызывающий шаг? Для того чтобы произвести впечатление на Риббентропа и немцев? Боннэ, должно быть, лучше знал. Или для того, чтобы вызвать какую-то реакцию со стороны немцев, которую Боннэ, должно быть, предвидел? Может, он действительно искал новые аргументы, чтобы использовать их против опять выдвинутых предложений о прямой французской помощи полякам в случае военного конфликта между Польшей и Германией? Ответ мы получим при рассмотрении последовавших за этим событий».

Кимхе Д., Несостоявшаяся битва, Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, М. 1971, с. 90—95

Заключенне советско-германского договора о ненападении

«Во второй половине августа, когда Англия и Франция саботировали переговоры в Москве, а военные действия у реки Халхин-Гол угрожали превратиться в настоящую войну, Советский Союз стоял перед реальной опасностью нападения на него с двух сторон — с запада и с востока. Нужны были решительные меры, чтобы обеспечить жизненные интересы страны. Поскольку соглашение с западными державами о коллективных мерах против фашистской агрессии оказалось невозможным. Советский Союз должен был искать иной путь ограждения своей безопасности. Такой путь наметился в результате переговоров с Германией.

Правящие круги гитлеровской Германии, отдавая себе отчет в том, что соглашение с СССР позволит им избежать войны на два фронта, стали еще с мая 1939 г. предпринимать попытки выяснить отношение Советского правительства к такому соглашению. На поступающие запросы Советское правительство со всей определенностью отвечало, что оно питает недоверие к политике Германии и что улучшение германо-советских отношений зависит прежде всего от самой Германии.

В начале августа германский министр иностранных дел

Риббентроп предложил советскому поверенному в делах в Берлине подписать секретный протокол о разграничении интересов Германии и СССР «на всем протяжении от Черного до Балтийского морей». Советский Союз, все еще надеясь, что ему удастся достигнуть положительных результатов в московских переговорах с Англией и Францией, отклонил это германское предложение. Отрицательный ответ был дан и на аналогичное предложение, сообщенное 14 августа советским руководителям германским послом в Москве Шуленбургом.

Правительства Англии и Франции, сорвав переговоры с Советским Союзом, поставили его перед необходимостью изменить свою позицию, и, когда германское правительство снова обратилось к Советскому Союзу, он дал свое согласие на заключение советско-германского пакта о ненападении. 23 августа 1939 г. этот договор был подписан сроком на 10 лет с автоматическим продлением на следующие 5 лет, если одна из сторон не денонсирует его за год до истечения срока.

Заключение советско-германского договора о ненападении разрушило замыслы правящих кругов Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки, направленные на то, чтобы «умиротворить» гитлеровскую Германию за счет СССР и разрешить этим способом межимпериалистические противоречия. Планы организации «крестового похода» всех капиталистических государств против СССР были сорваны. Потерпели неудачу и попытки западных держав ис-

пользовать московские англо-франко-советские переговоры для дипломатического давления на Германию с целью побудить ее к скорейшему нападению на СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.